

УДК 811.111'42:340

Целуева Анастасия Михайловна

магистрант кафедры теории
и практики английского языка
Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины
г. Гомель, Беларусь

Anastasia Tselueva

MA Student of the Department
of Theory and Practice
of the English Language
Francisk Skorina Gomel State University
Gomel, Belarus
atselueva@gmail.com

ЖАНР СУДЕБНОГО ПРИГОВОРА: СТРУКТУРА И ПРАГМАТИКА (на материале английского языка)

Статья посвящена выявлению лингвопрагматических и структурных характеристик приговора как жанра англоязычного судебного дискурса. В работе выделяются структурно-функциональные блоки данного жанра (описание действий подсудимого, характеристика влияющих на приговор обстоятельств, речевое взаимодействие судьи с участниками процесса, определение наказания), составляющие их речевые акты (утверждения, разъяснения, просьбы и разрешения) и средства их (актов) вербализации, что позволяет сделать вывод об ассертивно-директивной направленности приговора как разновидности судебного дискурса.

Ключевые слова: юрислингвистика; судебный дискурс; приговор; судья; жанр; иллокуция; речевой акт.

THE GENRE OF THE COURT VERDICT: STRUCTURE AND PRAGMATICS (Based on the English Language)

In this article the illocutionary, structural, functional and linguistic characteristics of the verdict in the English-language judicial discourse are identified. The study defines structural and functional blocks of the genre (description of the defendant's actions, description of the circumstances influencing the verdict, interaction of the judge with the participants of the process, and determination of punishment), their speech acts (statements, explanations, requests, and permissions), and means of verbalization of these acts, which allows us to conclude that the verdict is both an assertive and directive genre of the judicial discourse.

Key words: forensic linguistics; judicial discourse; verdict; judge; genre; illocution; speech act.

Судебный дискурс представляет собой одну из разновидностей правового дискурса, которая а) актуализируется в зале судебного заседания в ходе общения юристов с аудиторией, а также за ее пределами при взаимодействии с представителями СМИ [1, с. 275]; б) нацелена на установление правосудия; в) связана с такими ценностями, как верховенство права, истина и др.; г) репрезентирована стратегиями защиты и обвинения, реализуемыми за счет тактик одобрения, критики и др.; д) основывается на законодательных актах.

Как известно, каждый тип дискурсивной практики функционирует за счет ряда речевых жанров, составляющих его структуру. Рассматривая сущность речевого жанра, М. М. Бахтин основывается на существовании речи в форме набора высказываний, которым свойственно наличие границ и смена субъектов коммуникации. В такой связи, по мнению исследователя, речевым жанром является набор устойчивых высказываний, с помощью которых осуществляется интеракция в заданной коммуникативной ситуации для достижения коммуникативной цели [2, с. 258–271]. Приведем также и ряд других рассуждений касательно специфики речевого жанра. Так, например, Б. Крык-Кастовски, с одной стороны, приравнивает понятие речевого акта к речевому жанру, однако делает вывод о некорректности данного подхода при анализе тесно связанных между собой речевых актов и вводит понятие сети речевых актов для наименования подобных сложных единиц, которые (сети речевых актов) и отождествляет с понятием речевого жанра (см. работы [3; 4]). Речевые жанры как прототипы, повторяющиеся при интеракции собеседников, рассматривает исследователь судебной коммуникации Дж. Гиббонс, уточняя также, что они (жанры) могут незначительно видоизменяться говорящими в процессе вербального взаимодействия [5, р. 130].

Определение жанрового разнообразия судебного дискурса привлекает внимание многих лингвистов. Так, на основе стенограмм судебных заседаний XVII в. Р. Хилтунен и К. Доти выделяют такие повторяющиеся жанры, как показания под присягой, судебные распоряжения, прошения и др. [6, р. 462]. Кроме этого, Дж. Коттерилл связывает жанры с устойчивыми стадиями судопроизводства: организационной стадией, стадией доказывания, стадией подведения итогов, в границах которых жанрами являются выбор присяжных, клятва присяжных, предварительные инструкции, судебный допрос, прения сторон, совещание присяжных, судебный приговор и др. [7, р. 94].

Особое место в пространстве судебного процесса занимает приговор, представляющий собой письменный жанр судебного дискурса, получающий устную вербализацию в процессе заседания. Подчеркнем, что приговор актуализируется исключительно за счет речевой деятельности судьи и направлен на всех участников судебного заседания, преимущественное внимание при этом уделяется подсудимому. Анализ специфики судебных приговоров привлекает достаточно высокое внимание лингвистов. Так, например, проводится анализ аргументативной составляющей приговора: изучение характера использования средств интертекстуальности при установлении наказания, а также определение речевых тактик и стратегий судьи (см. работы [1; 8; 9]).

При явном интересе лингвистики к жанру приговора некоторые аспекты его коммуникативной и формальной организации остаются слабо изученными, что обуславливает актуальность настоящего исследования, целью которого является определение лингвопрагматических и структурных свойств

англоязычного приговора. Постановка данной цели предполагает решение ряда задач: выделение структурно-функциональных блоков рассматриваемого жанра, описание их иллокутивной, речеактовой и языковой специфики.

При установлении иллокутивной специфики приговора нами была использована типология иллокутивной силы высказываний, предложенная Дж. Серлем и Д. Вандервекеном и основывающаяся на существовании пяти основных видов иллокуции: а) ассертивы как описание реального положения дел за счет утвердительных, описательных и др. речевых актов; б) директивы как призыв адресата коммуникации к совершению / несовершению речевого или неречевого действия посредством разрешений, указаний, запретов; в) декларативы как вербализация изменений в виде, например, речевых актов обозначения повышения социального статуса; г) комиссивы как речевые акты клятвы, обещания осуществления действий; д) экспрессивы как проявление эмоций отправителя информации за счет благодарности, извинения (см. работы [10; 11]). В настоящее время к описанным пяти типам добавляются квеститивы/интеррогативы, являющиеся запросом информации с использованием прямых и косвенных вопросов, менасивы, репрезентированные речевыми актами угрозы, предупреждениями о неблагоприятных последствиях.

Фактический материал исследования включает в себя 11 660 словоупотреблений, структурированных в 875 предложениях, полученных из видеозаписей судебных приговоров по уголовным делам США за период с 2020 по 2024 год, что обосновано относительной открытостью судебных заседаний США, связанных с рассмотрением уголовных дел (в сравнении с другими англоязычными странами), и возможностью осуществления полной либо частичной аудио- и видеофиксации процессов с последующей публикацией подобных материалов в свободном доступе, а также ориентацией на анализ актуальных характеристик судебной коммуникации, что и реализуется нами за счет рассмотрения процессов последних лет.

Методами исследования выступают жанрово-стилистический анализ, контекстуальный анализ, метод транскрибирования, использованный для преобразования звучащей информации в текст, функционально-прагматический анализ. Систематизация материала была проведена посредством его дифференциации на четыре структурно-функциональных блока: а) *описание действий подсудимого*, что включает в себя характеристику действий, совершенных подсудимым вне зала суда и послуживших причиной привлечения его к ответственности, и действий, совершенных им в процессе суда; б) *изложение влияющих на приговор обстоятельств*, что представлено анализом смягчающих и отягчающих обстоятельств, влияющих на квалификацию наказания; в) *речевое взаимодействие судьи с участниками процесса* в виде вербальной интеракции судьи с другими участниками заседания; г) *определение наказания*, направленное на формулирование специфики наказания.

Обратимся к последовательному рассмотрению перечисленных блоков.

I. Описание действий подсудимого. Первый, выделенный нами, структурно-функциональный блок представлен тремя разновидностями: *описание действий, инкриминируемых подсудимому*, что направлено на донесение до участников судебного процесса перечня всех противоправных деяний, в которых обвиняется подсудимый; *описание действий подсудимого в процессе судебного заседания*, что связано с доведением до сведения участников судебного процесса действий, совершенных стороной защиты (выдвижение протеста и др.); *выражение личного мнения судьи касательно действий подсудимого*, заключающееся в субъективном оценивании судьей действий, вменяемых подсудимому.

Детально рассмотрим иллокутивную, речеактовую и языковую репрезентацию подобных разновидностей.

1. Описание действий, инкриминируемых подсудимому, актуализируется путем использования следующих речевых действий:

а) перечисление преступных деяний и соответствующих им наказаний: *Sir, you ended up pleading guilty to a felony firearm, which carries a maximum penalty of 2 years* (в данном случае мы имеем дело с речевым актом утверждения, совмещенным с разъяснением, что реализовано за счет использования предиката *end up* в сочетании с фразой *plead guilty*, а также предиката *carry* в целях разъяснения длительности срока наказания за совершенное деяние);

б) детальное описание характера инкриминируемых действий: *She was shot in the chin, the left temple, the upper arm, the hand, the head and you started shooting when you were in the car and then you took her out of the car, put the gun to her head and pulled the trigger and shot her again* (представленное речевое действие является утверждением, актуализирующимся посредством опущения предиката *to be shot* при перечислении объектов, в отношении которых было совершено действие; интересно также и внедрение полисиндетона, что репрезентировано сочинительным союзом *and* в целях демонстрации длительности преступления и последовательности осуществления входящих в него действий);

в) апелляция к доказательной базе: *As I previously stated, I considered all the evidence presented, and at this point I would like to comment specifically on Exhibit 802, the crash video* (данное речевое действие утверждает важность доказательной базы как мотивации вынесения обвинительного приговора, что маркировано метакоммуникативным элементом, комментирующим ранее упомянутую информацию *as I previously stated*, приемом гипонимизации/экземплификации для акцентуации составной части доказательной базы, вводимым посредством метакоммуникативного элемента *I would like to comment* для мониторинга темы коммуникации).

2. Описание действий подсудимого в процессе проведения судебных заседаний может иметь следующую реализацию: *Very good, as a preliminary matter, Mr. Mansfield, I did receive your improper motion for a new trial that is denied.* Приведенный контекст представляет собой утвердительное речевое действие, в котором особое внимание обращают на себя следующие элементы: метакоммуникативное включение *as a preliminary matter*, использованное для мониторинга темы коммуникации; смысловой глагол *receive*, интенсифицированный посредством его включения в состав перифрастической конструкции с глаголом *do*, а также пейоративная оценка действий подсудимого, представленная использованием прилагательного *improper* в препозиции к существительному *motion*.

3. Выражение личного мнения судьи касательно действий подсудимого реализуется за счет использования речевых актов утверждения и характеризуется высоким аксиологическим потенциалом (пейоративная эмоциональная окраска). Оценочная составляющая подобных речевых действий выражается за счет разнообразных стилистических средств и приемов, ср.:

а) олицетворение: *And your **decisions forever robbed** Dominick and Pavion of the futures that they had before them;*

б) синтаксический параллелизм: ***Every decision we make is important. Every action we make is important;***

в) эпитет (одиночный, парный, цепь эпитетов): *This was not **reckless driving**; You can never forget the visual or audio of this exhibit. It's **chilling and tragic**; Her actions were **controlled, deliberate, intentional, and purposeful;***

г) метафора: *She morphs from a responsible driver to **literal hell on wheels** as she makes her way down the street;*

д) ненормативная лексика, разговорно-сниженные выражения: *His family said that **shit**. You can tell it to the court of appeals and see if they buy it.*

4. Описание возможных дальнейших действий подсудимого может вербально оформляться судьей следующим образом, ср.: *Okay, Mr. McAlpin, you **do have the right to appeal** this case.* Данный контекст трактуется нами как разъяснение судьей прав подсудимого по поводу подачи апелляции на вынесенный судом приговор, что представлено использованием перифрастической конструкции с глаголом *do* как средства интенсификации силы предложения.

На основании вышеописанного можно сделать вывод об общей асертивной иллокутивной направленности структурно-функционального блока «описание действия подсудимого» за счет его реализации речевыми актами утверждения и разъяснения. Подобные речевые действия маркируются метакоммуникативными средствами с разнообразными функциями (привлечение внимания, мониторинг темы), приемом гипонимизации / экземплификации в отношении элементов доказательной базы, полисиндетоном при перечислении перечня совершенных подсудимым действий, а также др. стилистическими ресурсами (метафора, олицетворение, эпитет и др.).

При этом в целях интенсификации используются лексические средства (модификация глагола препозиционным наречием, а существительного – препозиционным прилагательным) и синтаксические приемы (опущение предиката, перифрастическая конструкция с глаголом *do*).

II. Описание влияющих на приговор обстоятельств. Второй структурно-функциональный блок состоит из таких разновидностей, как *обрисовка смягчающих обстоятельств*, осуществляющаяся описанием подтвержденных в течение процесса обстоятельств, влияющих на смягчение наказания; *характеристикаотягчающих обстоятельств*, представленная изложением подтвержденных в течение процесса обстоятельств, влияющих на установление максимального наказания; *определение силы обстоятельств*, репрезентированное оценкой приоритетности смягчающих или отягчающих обстоятельств на вынесение приговора.

Остановимся детально на иллокутивной, речеактовой и вербальной репрезентации этих разновидностей структурно-функционального блока «описание влияющих на приговор обстоятельств».

1. Описание смягчающих обстоятельств происходит за счет использования утверждений, в структуру которых включаются метакоммуникативные элементы, комментирующие ранее озвученную информацию как, например, *in addition to*, упоминаются составные части доказательной базы, на основании которых данные обстоятельства были подтверждены, перечисляются сами обстоятельства, ср.: *In addition to the mitigating factors in ORC 292904B, the Court has considered the statements of six family members, all of whom relate that the defendant had a tough childhood.*

2. Обрисовка отягчающих обстоятельств также представлена утверждениями, в контексте которых такие обстоятельства раскрываются за счет приема гипонимизации / экземплификации, ср.: *You have some prior misdemeanors. You've been in jail at least twice, and you've been on probation before.*

3. Определение силы обстоятельств представляется судьей за счет утверждений, ср.: *The court has assigned an appropriate weight to each and finds that the aggravating factors found to exist heavily outweigh the mitigating circumstances presented.* Приведенный пример демонстрирует преобладание силы отягчающих обстоятельств над смягчающими, что выражено посредством интенсификации глагола *outweigh* препозиционным наречием *heavily*.

Таким образом, можно сделать вывод об ассертивном характере структурно-функционального блока «описание влияющих на приговор обстоятельств» в силу его представленности речевыми действиями утверждения.

III. Речевое взаимодействие судьи с участниками процесса. Третий структурно-функциональный блок, как нами было выявлено, не имеет разновидностей и актуализируется исключительно за счет директивных речевых актов (просьбы, а также разрешения судьи в адрес других участников), ср.: *And Mr. Jansma, would you place your appearance on the record,*

please? Особое внимание, по нашему мнению, стоит обратить на максимизацию уровня вежливости данной просьбы, что лексически представлено использованием модального глагола *would*, а также добавлением единицы *please* в конце предложения. Кроме этого, представлены и разрешения, ср.: *And either of you ladies may speak first*. В данном случае мы имеем дело с разрешением инициации разговора, что маркировано алетическим глаголом *may*.

Таким образом, структурно-функциональный блок «речевое взаимодействие судьи с участниками процесса» обладает директивной иллокутивной силой за счет входящих в его состав речевых актов просьбы и разрешения, языковые средства выражения которых представлены использованием алетического глагола *may* в целях авторизации ряда действий и, кроме этого, модального глагола *would*, интенсифицированного лексической единицей *please* в целях усиления вежливости речевого действия.

IV. Определение наказания. Обратимся к описанию четвертого выявленного нами структурно-функционального блока, реализующегося за счет таких двух разновидностей, как *официальное определение наказания*, связанное с перечислением всех составляющих частей наказания, к которому приговаривается подсудимый, и *личное мнение судьи по поводу наказания* в виде субъективного мнения судьи, выступающего не в качестве беспристрастного специалиста, а человека, реагирующего на итог судебного заседания.

Более подробно остановимся на иллокутивной, речеактовой и языковой актуализации перечисленных разновидностей.

1. Официальное определение наказания раскрывается посредством речевых актов, направленных на:

а) наименование преступлений, за которые устанавливается наказание: *The court's going to proceed to impose sentence at this time with regard to **count number one, the aggravated murder of Trina Tomola Kuznick*** (перед нами речевой акт утверждения, связанный с назначением наказания в отношении одного из совершенных подсудимым преступлений, что репрезентировано приемами гипонимизации / экземплификации: *aggravated murder* как уточнение составляющих *count number one*);

б) наименование типа наказания (как ядерный компонент приговора): *So, in those cases you'll both **serve two years without credit prior to but consecutive to the mandatory life without parole*** (в данном примере представлено определение судьей наказания за счет наименования двух мер ограничения свободы; несмотря на то, что приведенное высказывание имеет утвердительную форму, понятно, что оно функционирует в качестве директива, поскольку представляет собой волеизъявительный речевой акт, предписывающий адресату определенное наказание и, соответственно, поведение).

2. **Выражение личного мнения судьи по поводу наказания** может быть выражено двумя способами:

а) апелляция к совести подсудимого: *So, I hope that someday, you know, I'm gonna give you **the maximum sentence** here, which is the mandatory one, which will have you in prison until you die. **My hope** is that, you know, someday during that time, you, reflecting on this, **can come up with courage to do the right thing and to beg his family for forgiveness*** (приведенное речевое действие является утверждением, подчеркивающим тип наказания за совершенные преступления и, кроме этого, выражающим надежду судьи на осмысление подсудимым некорректности его поступков, что вводится конструкцией *I hope*);

б) апелляция к высшим силам: *However, if you do ever **pray to a higher power**, either now or at some point before **the date of your death is scheduled to occur**, and you truly seek forgiveness and redemption for the sins and the crimes you have committed, **I hope** that you are granted it. And I do still see the humanity in you* (данный пример также является утверждением, связанным с подчеркиванием типа наказания фразой и, кроме этого, включает в себя ссылку на возможность обращения к высшим силам как способа осознания некорректности совершенных действий и получения прощения, что сопровождается выражением надежды на получение подобного прощения и маркировано уже упомянутой нами структурой *I hope*).

Исходя из описанных особенностей можно сделать вывод об ассертивно-директивной направленности блока «определение наказания» в силу его представленности как директивными высказываниями, так и речевыми актами утверждения, репрезентированными приемом гипонимизации, а также конструкцией *I hope* как средства маркирования субъективности высказывания.

На основании всего представленного можно заключить, что как на иллокутивном, так и на языковом уровнях приговор является двойственным жанром англоязычного судебного дискурса. На иллокутивном уровне двойственная природа приговора проявляется в его способности реализовывать два типа речевых актов: ассертивные и директивные. Что же касается языкового уровня приговора, то, с одной стороны, его отличает однотипное вербальное оформление за счет строгой регламентированности коммуникации в зале суда, а с другой стороны, он характеризуется использованием экспрессивно-стилистических ресурсов, таких как метафоры, эпитеты и др., служащих средством выражения эмоций участников судебного процесса.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Дубровская, Т. В.* Судебный дискурс: речевое поведение судьи (на материале русского и английского языков) / Т. В. Дубровская. – М. : Академия МНЭПУ, 2010. – 351 с.
2. *Бахтин, М. М.* К философским основам гуманитарных наук / М. М. Бахтин. – СПб. : Азбука, 2000. – 337 с.
3. *Kryk-Kastovsky, B.* Speech acts in Early English court trials / B. Kryk-Kastovsky // *Journal of Pragmatics*. – 2009. – Vol. 41, № 3. – P. 440–457.
4. *Kryk-Kastovsky, B.* Law and language: legal pragmatics / B. Kryk-Kastovsky // *Encyclopedia of Language and Linguistics*. – London, Amsterdam : Elsevier, 2006. – P. 13–20.
5. *Gibbons, J.* Forensic Linguistics: An Introduction to Language in the Justice System / J. Gibbons. – Oxford : Blackwell, 2005. – 337 p.
6. Formulaic discourse and speech acts in the witchcraft trial records of Salem, 1692 / K. L. Doty, R. Hiltunen // *Journal of Pragmatics*. – 2009. – Vol. 41, № 3. – P. 458–469.
7. *Cotterill, J.* Language and power in court: a linguistic analysis of the O. J. Simpson Trial / J. Cotterill. – Hampshire : Palgrave MacMillan, 2003. – 254 p.
8. *Резуненко, М. Ф.* Стратегии и тактики речевого поведения судей, государственных обвинителей и адвокатов в судебно-процессуальном дискурсе : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Мария Фёдоровна Резуненко ; Ставропол. гос. ун-т. – Ставрополь, 2007. – 292 с.
9. *Астафьев, А. Ю.* Об аргументативной сущности приговора суда / А. Ю. Астафьев // *Вестн. ВГУ. Сер. Право*. – 2022. – № 3. – С. 274–285.
10. *Серль, Дж.* Что такое речевой акт? / Дж. Серль // *Новое в зарубежной лингвистике*. – М. : Прогресс, 1986. – Вып. 17. – С. 151–169.
11. *Серль, Дж.* Новые понятия исчисления речевых актов // Дж. Серль, Д. Вандервекен // *Новое в зарубежной лингвистике: Логический анализ естественного языка*. – М. : Прогресс, 1986. – Т. XVIII. – С. 242–264.

Поступила в редакцию 26.03.2025